
Г.ЗИНОВЬЕВ НА СМЕРТЬ ЛЕНИНА
ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ЕД415
Л431

ЛЕНИНСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Г. ЗИНОВЬЕВ

НА СМЕРТЬ ЛЕНИНА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАД 1925

Л. Хео.

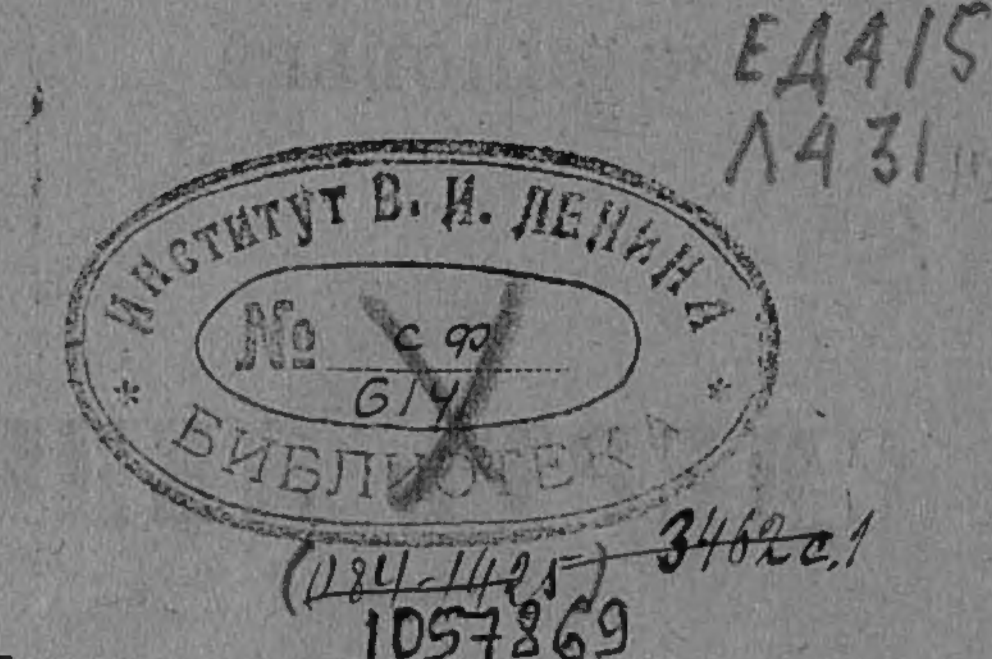
ЛЕНИНСКАЯ БИБЛИОТЕКА. Вып. 12

Г. ЗИНОВЬЕВ

НА СМЕРТЬ ЛЕНИНА

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАД • 1925

Государственная типография имени Ивана Федорова
Ленинград, Звенигородская, 11
Заказ № 210

Гиз. 10472 Ленинградский Гублит № 17360 Тираж 50000 экз.

РЕЧЬ НА ЗАСЕДАНИИ ВТОРОГО СЪЕЗДА СОВЕТОВ СССР 26-го ЯНВАРЯ 1924 г.

— Товарищи, друзья! Все мы, работавшие не год и не два под гениальным руководством Владимира Ильича, мы, пережившие в партии под руководством Владимира Ильича две войны и три революции, прекрасно отдавали себе отчет в том, что во главе нашей семьи, во главе нашей партии стоит великий человек. Мы говорили, мы писали, что фигура Владимира Ильича высится как Монблан над всем современным поколением революционных деятелей. И все-таки, товарищи, только теперь, когда Владимира Ильича нет среди нас, мы впервые с особенной полнотой поняли, чем был для нас, чем был и пребудет для трудящихся всего мира Владимир Ильич. Как ни высоко ценили мы нашего учителя и вождя, ясно, что мы недооценивали всего.

Действительное значение Владимира Ильича вырисовывается перед нашими глазами и перед глазами трудящихся всего мира только теперь. Больше всего, товарищи, я думаю, научили нас подлинным образом оценивать историческое значение Владимира Ильича те сотни тысяч рабочих, которых мы с затаенным дыханием наблюдаем за последние дни в одной только Москве.

Товарищи, мы пережили три революции, мы видели не раз и не два могучую народную массу, охва-

ченную одним порывом. Каждому из нас выпало на долю великое счастье: видеть сплоченные ряды народа, видеть народ, охваченный высоким чувством. Но, товарищи, — и я думаю, вы все со мною в этом согласитесь,—видели ли мы за все пережитые годы картину, более величественную, чем та, что мы четвертые сутки наблюдаем во всей Москве? И, несомненно, во всей России происходит то же самое.

Видели ли вы когда-нибудь ранее такую прекрасную единую народную массу, такой живой прибой сотен тысяч пролетариев, которые сами организуются тут же на улицах, которые день и ночь в нынешнюю зимнюю стужу стоят и ждут своей очереди зайти поклониться праху вождя? Это — пролетариат, вылитый из одного куска, высеченный из одного куска гранита, спаянный одной великой идеей. Видели ли вы, товарищи, в своей жизни что-либо более величественное, чем эта безбрежная волна рабочих, входивших в Колонный зал, уходивших оттуда с глазами, увлажненными слезами, и все-таки с поднятыми головами, и все-таки охваченных одной великой идеей?

Я думаю, товарищи, никто из нас ничего более величественного не видел и вряд ли увидит. Народная масса как будто второй раз переживает великую Октябрьскую революцию. Такое чувство у всех у нас, когда мы наблюдаем этот бесконечный стотысячный поток. Еще и еще раз рабочий класс переживает эти великие годы и вспоминает решающий момент, Рубикон, через который перевел нашу страну Владимир Ильич. Еще и еще раз рабочие любовно вспоминают все, что было великого и героического в тот период. Оттого-то эта масса так сильно напоминает рабочие массы накануне Октября. Оттого-то наш комитет, который имеет печальную обязанность похоронить то, что было бренного во Владимире Ильиче,

напоминает военно-революционный комитет накануне Октября. Все мы вместе с народными массами как бы переживаем во второй раз великие Октябрьские события и мысленно вновь обозреваем пройденный путь. Народные массы, народ в лучшем смысле этого слова, научат нас теперь еще лучше, чем до сих пор, понять, что же такое был и чем останется, несмотря на физическую смерть, Владимир Ильич для трудящихся всего мира и для всего человечества.

Читайте, товарищи, письма рабочих, которые помещаются у нас петитом в задних углах газет. Читайте их внимательнее всего, и вы поймете тогда, как подлинный народ, как подлинные рабочие массы чувствуют Владимира Ильича, как оценивают они его.

Позвольте мне, товарищи, таких два отрывка прочитать вам:

«Нашему отцу. Дорогой отец наш! Ты ушел от своих детей навеки, но твой голос, слова твои никогда не умрут в наших пролетарских сердцах.

Мы великими тысячами идем проститься с дорогим нашим вождем, мы плачем у гроба твоего.

РКП и ВЦИК и всем остальным мы дали свой отклик пролетарский.

Отец наш своей смертью нанес нам тяжелый удар. Мы, читая газеты, думали, что вернется он скоро к нам, и мы ждали его каждую минуту, но злая болезнь отняла у нас незабвенного отца — отца всего мира.

Мы знаем, что скоро настанет тот час, когда со всех стран мира посыплются на твою горячую могилу венки; твоя могила вечно останется в памяти каждого честного гражданина. Она вечно будет цвести, она никогда не будет сухой.

Не утренняя летняя роса будет кропить ее, а слезы твоих детей, которые так горячо тебя любили и будут вечно преданы тебе.

Вечная память незабвенному отцу Владимиру Ильичу Ленину.

Желаем возложить венок на могилу отца от всего пролетарского населения России».

Или вот что пишет рабочий-шахтер Тарасов:

«Солнце померкло, звезда закатилась.

Солдаты царской армии, кто из вас был в окопах, вспомните, чем был для вас окружающий мир! Вы устремлялись с мольбами и тоской к небу, а в ответ вам сыпались снаряды. Увы, напрасны были ваши молитвы!..

Но вот среди лесов и полей, где ежеминутно взрывались ужасные бомбы, между трупов и стонов раненых пронеслось: Ленин.

Из-за границы пришел Ленин.

— Вам тяжело, я знаю, — сказал он, — слушайте меня, идите за мной. Его клич был кличем вождя. Этот клич проник глубоко в каждое солдатское окровавленное сердце. За ним шли. За лозунги Ленина не было жаль жизни. Умирали с радостью, никто о себе не тужил.

То, что он обещал, пришло. Зацвели красные маки. Черная тоска сменилась радостью. Голод и разруху оставили за плечами, стали вдоволь есть хлеб.

Ленину нельзя было не верить. Такому мы верили. Мы говорили ему: «Зови, веди, пойдем, не обманешь!..»

Заболел. Дорожили каждым его часом. Ленин, живи! Ты один понимаешь нас, как никто! Нас, мужиков, царя растоптавших!

А сегодня у каждого на сердце черные пятна. Закатилась звезда. Москва, Россия, Союз Республик облеклись в траур. Солнце померкло.

Великого Ленина между нами не стало».

И, товарищи, такие же или подобные отклики несутся уже со всех концов мира, не только из тех стран, где живут и борются сотни тысяч и миллионы городских промышленных пролетариев, но из таких стран, как Китай, как Индия. Именно угнетенные народы Востока больше всего воспринимают Владимира Ильича, как лучшего своего друга, как самого великого вождя.

Я вспоминаю сегодня, товарищи, одну оценку Владимира Ильича, данную великим художником современности А. М. Горьким. А. М. Горький, увы, не понял нашей революции. Но, несмотря на это, он по крайней мере частью очень недурно понял главнейшего героя нашей революции — Владимира Ильича, которого Горький близко знал, как все мы, горячо любил и который пользовался любовью и со стороны Владимира Ильича. К 50-летию Владимира Ильича Горький поместил статью в «Коммунистическом Интернационале» под заглавием «Владимир Ильич Ленин». Я очень хорошо вспоминаю обстоятельства, связанные с помещением этой статьи. Когда эта статья попалась на глаза Владимиру Ильичу, то мне, как редактору этого журнала, немало влетело от Владимира Ильича за помещение статьи, которую он считал неуместной, преувеличенной. В этой статье у Горького в политических оценках было действительно немало неверного. Но, что касается оценки личности Владимира Ильича, то сегодня приходится сказать, что чутье великого художника подсказало Горькому несколько лет тому назад то, что народу, что всем нам становится вполне ясным

только теперь. Когда Горький говорил о планетарном значении работ Владимира Ильича, многим это тогда казалось преувеличенным. Но мне кажется, товарищи, сейчас всякий чует настоящую правду в этой постановке вопроса.

Товарищи, вы не посетуете на меня, если я прочитаю вам несколько выдержек не из политических оценок Горького, а из его характеристики личности Владимира Ильича. Сейчас мы находимся в положении, когда нам всего лучше выражать свои собственные настроения словами или рядовых рабочих, или таких людей как Горький. Горький писал тогда:

«Я должен сказать, что мои личные симпатии к нему не играют никакой роли в момент, когда я пишу о нем. Я рассматриваю его как существо, подлежащее моему наблюдению, наравне со всеми другими людьми и явлениями, которые не могут не интересовать меня, как бытописателя моей родины.

Вот, этот человек говорит речь на собрании рабочих, он говорит удивительно простыми словами, железным языком, с логикой топора, но в его суровых словах я никогда не слыхал ни грубой демагогии, ни пошлого франтовства красивой фразой. Он говорит всегда одно: о необходимости в корне уничтожить социальное неравенство людей и о путях к этому. Эта древняя правда звучит в его устах резко, непримиримо: всегда чувствуешь, что он непоколебимо верит в нее, и чувствуешь, как спокойна его вера.

Иногда дерзость воображения, обязательная для литератора, ставит передо мною вопрос: как видит Ленин новый мир? И предо мною развертывается грандиозная картина земли, изящно ограненной кругом свободного человечества в гигантский изумруд.

Все люди разумны, и каждому свойственно чувство личной ответственности за все, творящееся им и вокруг него. Повсюду города-сады — вместилища величественных зданий, везде работают на человека покоренные и организованные его разумом силы природы, а сам он, — наконец, — действительный властелин стихии. Его физическая энергия не тратится больше на грубый, грязный труд: она переродилась в духовную, и вся мощь ее направлена к исследованию тех основных вопросов бытия, над решением которых издревле безуспешно бьется мысль, расшатанная, раздробленная необходимыми усилиями объяснения и оправдания явлений социальной борьбы, измученная неизбежной в мире этих явлений драмой признания двух непримиримых начал. Облагороженный технически, осмысленный социально, труд стал наслаждением человека. Действительно освобожден, наконец, разум человека, самое драгоценное начало в мире — и, действительно, разум стал бесстрашен.

Ленин больше человек, чем кто-либо иной из моих современников, и хотя его мысль, конечно, занята по преимуществу теми соображениями политики, которые романтик должен назвать «узко-практическими», но я уверен, что в редкие минуты отдыха эта боевая мысль уносится в прекрасное будущее гораздо дальше и видит больше, чем я могу представить себе. Основная цель всей жизни Ленина — общечеловеческое благо, и он неизбежно должен прозревать в отдалении веков конец того великого процесса, началу коего аскетически и мужественно служит вся его воля. Он — идеалист, если вложить в это понятие соединение всех сил натуры в одной идее — в идее всеобщего блага. Его личная жизнь такова, что в эпоху преобладания религиозных настроений Ленина сочли бы святым.

Суровый реалист Ленин постепенно становится легендарной личностью. Это хорошо.

Из глухих деревень Индии, проходя сотни верст по горным тропинкам и лесам, тайком, рискуя жизнью, пробираются в Кабул, в русскую миссию, индусы, замученные вековым гнетом английских чиновников, приходят и спрашивают: что такое Ленин?

А на другом конце земли норвежские рабочие говорят русскому безразличному человеку: вот Ленин— самый честный парень. Такого еще не было на земле.

Я говорю: это хорошо. Большинству людей необходимо верить для того, чтобы начать действовать».

Вы видите, что чутье художника, близко знавшего Владимира Ильича лично, помогло Горькому, делавшему немало ошибок в оценке нашей революции, отметить уже несколько лет тому назад, когда еще не так ясна была великая личность Владимира Ильича, то, что делало тов. Ленина уже тогда легендарной личностью, что делало его уже тогда вождем всего человечества.

Товарищи, дар провидения, дар предсказывания событий свойствен был Владимиру Ильичу в величайшей степени. Когда мы изучим его великие сочинения так, как они того заслуживают, мы должны будем произвести специальную работу, которая должна будет выяснить, какие из предвидений Владимира Ильича оправдались. Найдутся, разумеется, такие, которые не оправдались. Но, товарищи, замечательно не то, что целый ряд предсказаний, сделанных этим гениальным человеком, не оправдался, а то, что столь многие из них сбылись. Позвольте мне и тут говорить словами не своими, а в данном случае словами самого Владимира Ильича. Я хочу напомнить только два из предсказаний Владимира Ильича, относящихся

к довольно далекому времени. Одно из них сделано 30 лет тому назад, т.-е. тогда, когда Владимир Ильич был еще совсем молодым, когда ему не было 25-ти лет, и другое, которое сделано было лет 15 тому назад.

В известном сочинении тов. Ленина «Друзья народа», которое только недавно получило широкое распространение и которое писалось почти 30 лет тому назад, Владимир Ильич говорил:

«Когда передовые представители его (рабочего класса) усвоят идеи научного социализма, идею об исторической роли русского рабочего, когда эти идеи получат широкое распространение и среди рабочих создадутся прочные организации, преобразующие теперешнюю разрозненную экономическую войну рабочих в сознательную классовую борьбу, — тогда русский рабочий, поднявшись во главе всех демократических элементов, свалит абсолютизм и поведет русский пролетариат (рядом с пролетариатом всех стран) прямой дорогой открытой политической борьбы к победоносной коммунистической революции».

Товарищи, сейчас эти слова звучат более или менее обычно. Но если вы вспомните, что они были сказаны 30 лет тому назад молодым деятелем, только еще выходившим на широкую политическую арену, в обстановке, когда рабочий класс только еще начинал создавать первые свои сколько-нибудь значительные организации, в годину мертвящей царистской реакции, в момент, когда рабочий класс делал только первые шаги в области экономической борьбы, — вы признаете, что эти слова были пророческими словами.

Другое предсказание относится к вопросу о борьбе между марксизмом и меньшевизмом, к вопросу о той

исторической тяжбе между III Интернационалом и II — тяжбе, которая исторически взвешена судьбой, но все-таки еще не вполне закончена. В небольшой работе, писанной на-спех в 1908 году в сборнике, посвященном Карлу Марксу, в небольшой статье, которая называется «Марксизм и ревизионизм», тов. Ленин обронил следующие слова:

«Совершенно естественно, что мелкобуржуазное мировоззрение снова и снова прорывается в рядах широких рабочих партий. Совершенно естественно, что так должно быть и будет всегда, вплоть до перипетий пролетарской революции... То, что теперь мы переживаем зачастую только идейно: споры с теоретическими поправками к Марксу — то, что теперь прорывается на практике лишь по отдельным частным вопросам рабочего движения как тактические разногласия с ревизионистами и расколы на этой почве, — это придется еще непременно пережить рабочему классу в несравненно более крупных размерах, когда пролетарская революция обострит все спорные вопросы, сконцентрирует все разногласия на пунктах, имеющих самое непосредственное значение для определения поведения масс, заставит в пылу борьбы отделять врагов от друзей, выбрасывать плохих союзников для нанесения решительных ударов врагу.

Идейная борьба революционного марксизма с ревизионизмом в конце XIX века есть лишь преддверие великих революционных битв пролетариата, идущего вперед к полной победе своего дела, вопреки всем шатаниям и слабостям мещанства».

Вдумайтесь в эти слова. Кто из вас не скажет вместе со мною, что это были пророческие слова? После первых схваток во время революции 1905 года,

когда мы еще были только фракцией II Интернационала, когда мы еще были членами одной с меньшевиками партии, в момент, когда мы все их считали еще товарищами и спор между нами и ими носил характер спора между двумя фракциями одной общей партии, в момент, когда эти споры в наших глазах были только литературными спорами, — в этот момент Владимир Ильич предсказал, что литературные споры между нами и меньшевиками есть не что иное, как преддверие грядущих революционных битв, как преддверие тех битв, которые развели нас теперь с международным меньшевизмом по разные стороны баррикады, поставили друг против друга с оружием в руках и заставили нас решать эти разногласия в ходе гражданской войны.

Я выхватил, товарищи, только два момента, их можно было бы удесятерить. И каждый из нас мог бы назвать в большом и малом целый ряд предсказаний Владимира Ильича, которые сбылись целиком.

Даже наши противники, международная буржуазия, даже II Интернационал не смогли не отдать невольной дани уважения Владимиру Ильичу. Вы читали эти отклики, и вы видите, как Владимир Ильич исторг у отъявленных противников признание его величайших, мировых исторических заслуг.

Писатели этого лагеря ищут сравнений Владимира Ильича с историческими фигурами прошлого. Они сравнивают его с Наполеоном, с Робеспьером, с Кромвелем, с Петром Великим и другими историческими фигурами. Они не понимают главного: они не понимают того, что тщетно искать в предыдущей истории человечества такую фигуру, которую можно было бы примеривать к исполинскому росту Владимира Ильича. Да, конечно, все названные мною исторические фигуры крупны, каждая по-своему. Но возьмите

Робеспьера, разве он не ребенок по сравнению с Владимиром Ильичем? Конечно, да, Робеспьеру выпало на долю сыграть большую роль в истории великой буржуазной революции. Но разве стоял он на твердом фундаменте марксизма, разве был он спаян с величайшим классом современности — рабочим классом, разве мог он иметь тот дар предвидения, который имел Владимир Ильич? Не мог и не имел. Вот почему невозможно найти в предыдущей истории человечества такую фигуру, к которой можно было бы примерить фигуру Владимира Ильича. К его фигуре следует примеривать всех его предшественников, а не наоборот.

Я вспоминаю, товарищи, один момент: июльские дни 1917 г., когда после первого разгрома питерских рабочих и кронштадтских моряков Владимир Ильич должен был укрываться недалеко от Сестрорецка, в шалаше, о котором многие рабочие и крестьяне уже знают. Сравните этот момент, а ведь это было не так уже давно, с тем, что мы видим теперь. В те времена, по крайней мере вначале, после разгрома, лишь одна часть рабочего класса попрежнему горячо верила в звезду Владимира Ильича. Колебания были в среде рабочего класса и даже недалеко от партии. Владимир Ильич прятался в течение двух недель в шалаше, окруженный только небольшой группой рабочих, семьей одного рабочего Сестрорецка, — товарища Емельянова и его детей. Весь буржуазный Петроград, весь «демократический» Петроград в эту эпоху Керенского и Церетели был на ногах, чтобы найти Владимира Ильича. Его травили в буквальном смысле слова. В газетах тогдашнего времени вы можете прочитать о том, как все собаки-ищейки, — я говорю о настоящих, четвероногих собаках, которые находились в распоряжении уголовного розыска и тогдашнего

«демократического» правительства, — все они были пущены по тем следам, которые, казалось, давали надежды нашим врагам затравить Владимира Ильича. Если бы он был найден, он, разумеется, был бы растерзан тут же на месте. Сравните, товарищи, этот момент, когда великий Владимир Ильич, уже тогда имевший за собою огромные заслуги, должен был прятаться в шалаше и мокнуть под ночным осенним дождем, и когда его травили все, кроме горсточки рабочих, сравните тот момент с нынешним, когда Владимир Ильич объединил вокруг себя не только весь рабочий класс нашей страны, не только все, что есть мыслящего, честного и революционного в нашем крестьянстве, но объединил весь народ и исторг дань уважения даже из уст тех, которые имеют все основания относиться к Владимиру Ильичу без особой нежности: я говорю о международной буржуазии.

За несколько лет Владимир Ильич прошол сам и провел рабочий класс по громадной исторической дороге, на которую в другое время понадобились бы столетия. За это время Владимир Ильич стал родным всей нашей стране. Когда мы видим 13-летних крестьянских мальчуганов, плакавших навзрыд при проводах тела Владимира Ильича из деревни «Горки», когда мы видим стотысячные толпы в Москве, когда мы слышим гул сочувственных голосов во всей России, когда мы видим, что каждая сколько-нибудь грамотная крестьянка в нашей стране носит в сердце траур по Владимире Ильиче, — мы имеем право сказать: ни одному из революционных борцов, ни одному из водителей человечества не выпадало еще на долю такое великое счастье, какое выпало на долю Владимира Ильича.

Я не исполнил бы своего долга, товарищи, если бы я сегодня не сказал здесь хотя бы несколько слов о

том, как чувствуют, как думают рабочие-коммунисты тех 42 партий, которые входят в Коммунистический Интернационал и от имени которых я должен сегодня сказать несколько слов, потому что их самих здесь нет. Нет никаких сомнений, товарищи, в том, что, как это было и раньше, десятки и сотни тысяч итальянских рабочих, заточенных в фашистских тюрьмах, рабочие, находящиеся на каторге в Америке, рабочие и крестьяне-повстанцы, брошенные на вечную каторгу в Болгарии, после только что совершившегося там восстания, рабочие и крестьяне, томящиеся в тюрьмах буржуазной Польши, сотни и сотни пролетарских борцов Германии и всего мира, — нет ни малейшего сомнения в том, что все эти лучшие борцы международного рабочего класса, если только через железную решетку до них донеслась весть о кончине Владимира Ильича, в тиши своих одиночных и каторжных камер рыдают вместе с рабочими России, вместе с ними переживают тяжелое бремя, которое такой большой тяжестью ложится на спину каждого рабочего и крестьянина в нынешние скорбные дни.

Я только что получил телеграмму о том, что даже германские социал-демократы, пытающиеся запретить и затравить германскую коммунистическую партию, не решились отказать берлинским рабочим-коммунистам в праве устроить в воскресенье, в день похорон, ряд трудовых митингов в память Владимира Ильича. Даже эти люди, на совести которых и на руках которых кровь Розы Люксембург и Карла Либкнехта, даже они, чувствуя угрозу со стороны всего рабочего класса Германии, должны были это разрешить.

Мы имеем телеграммы из Франции о том, что оттуда выехали делегации французского рабочего класса и что в день похорон там будут остановлены

работы. Такие же сообщения получены из Норвегии, такие же сообщения идут со всего мира.

Рабочие всего мира, как только они почувствовали, что открывается новая страница в истории их борьбы, когда они сознали и почувствовали, что близится международная пролетарская революция, чутьем отметили, как своего избранника, как своего международного вождя, Владимира Ильича. Через Владимира Ильича наша партия и наш рабочий класс стали важнейшей составной частью международного пролетариата и его международной коммунистической организации. В великом неисчерпаемом наследстве Владимира Ильича основное — это: 1) Союз Советских Социалистических Республик и 2) международная организация пролетариата — Коммунистический Интернационал. То и другое является в одинаковой мере детищем Владимира Ильича, который, как никто, выразил настроение, душу самых широких масс трудящихся. Никто не вложил столько труда в дело создания Коммунистического Интернационала, как это сделал тов. Ленин. И никого рабочие всего мира, рабочие-коммунисты и, смею думать, также десятки и сотни тысяч рабочих, еще входящих в социал-демократическую партию, еще не порвавших со II Интернационалом, никого не чувствуют в такой мере, никого не любят такой глубокой интимной любовью, как Владимира Ильича.

Владимиру Ильичу выпало на долю стать героем не только своего родного народа, но и героем всего международного пролетариата. В этом нет ни капли преувеличения. Это есть непреложный факт, который будет для нас выясняться с каждым днем и с каждой неделей все больше и больше.

Осиротел международный рабочий класс, осиротела больше всего наша родная Российская Коммуни-

стическая Партия, которая имела величайшее счастье трудиться, работать, бороться, побеждать, а иногда терпеть горькие поражения, под руководством Владимира Ильича. Его роль оказывалась особенно великой именно в момент поражения. Пусть вспомнят товарищи тяжелое лихолетье контр-революции 1908—1911 годов, когда все революционные партии были разбиты, когда и наша партия была разбита. Побежденная армия неизбежно подвергается, хотя бы частично, деморализации. Вспомните эту полосу безверия, уныния, распада. Вот в эту полосу Владимир Ильич, как звезда, сиял всем нам своею бодростью, своей верой, своим знанием, своим глубоким проникновением в ближайшее будущее. Он бодрил уставших, он собирал по горсточке оставшихся, уцелевших бойцов. Из этих горсточек, из этих маленьких групп людей он стал опять, в упорном труде, выковывать заново партию, и он подвел ее к годам нового подъема, когда в нашу опустевшую-было организацию вновь устремился поток всего, что было живого, героического в рабочем классе нашей страны.

Товарищи, в течение месяцев и годов мы будем еще пытаться отдавать себе отчет в том, что же сделано для нашей страны, для всего международного пролетариата Владимиром Ильичем. Наше нынешнее собрание есть только первая, слабая, робкая, попытка,— робкая, неумелая и слабая потому, что слишком еще велика горечь утраты, еще слова не идут с языка и еще тяжело нам сколько-нибудь объективными глазами посмотреть на то, что сделано Владимиром Ильичем для нашей страны. Нынешнее собрание, говорю я, есть только первая слабая попытка отдать отчет себе, отдать отчет лучшим представителям рабочего класса и крестьянства нашего Союза, а через них и всей нашей стране, а через нее и всему миру,

отдать отчет в том, что сделал Владимир Ильич для нашей страны.

Владимира Ильича больше нет. Мы завтра опустим его в могилу.

Что будет дальше?

Разумеется, товарищи, этот вопрос должен быть поставлен и ставится уже каждым из нас, каждым рядовым участником нашей партии, каждым рядовым участником Советской власти.

Что будет дальше? Сумеем ли мы, оставшиеся в живых, сумеет ли созданная Владимиром Ильичем партия и Советская власть провести нашу страну дальше, в тот край обетованный, который предносился духовному взору Владимира Ильича? Сумеем ли мы хотя бы с грехом пополам, напрягая все силы коллективного разума и коллективной организованности, выполнить то, чему учил нас Владимир Ильич?

Товарищи, электрическая искра пролетела по рядам не только всей нашей партии, но и всего рабочего класса и очень значительных слоев крестьянства.

Наша партия будет единой. Наша партия теперь больше, чем когда бы то ни было, сплотится. Каждый рядовой и нерядовой участник нашей партии или Советской власти лучше даст отрезать себе правую руку, чем сделает хотя бы какой бы то ни было шаг, который хотя бы в малейшей мере может нарушить единство железных рядов Российской Коммунистической Партии или Советской власти. Единство партии, это — основное, величайшее достояние, которое осталось нам от Владимира Ильича. Мы должны суметь сберечь его, как зеницу ока. С этим настроением мы разъедемся с этого траурного, но и великого съезда. Мы примем решения относительно того, как нам придется действовать дальше. Мы принесем клятву каждый в своем сердце. Каждый на своем месте, куда

его поставит партия или Советская власть, куда его бросят превратности судьбы, куда его бросят потребности революции, каждый из нас, на каком бы он ни был посту, где бы ему ни пришлось работать, когда ему придется принимать решение, чреватое ответственностью, пусть он поставит себе вопрос: а что посоветовал бы в таком положении Владимир Ильич? А что сделал бы на моем месте товарищ Ленин? Что сказал бы он нам? Как присоветовал бы он нам?

Товарищи, вы знаете, что многим и многим из нас приходится действительно почти каждый день принимать именно такие решения, которые чреваты величайшей ответственностью и крупнейшими последствиями не только для партии, но и для всей страны, а иногда для ряда партий.

В особенности в последних случаях мы должны быть осторожны. Никто не относился так бережно к судьбам братских рабочих партий, как это делал Владимир Ильич. Если он вкладывал всю свою душу, всю свою добросовестность и всю осторожность в каждое решение, относившееся к судьбам нашей собственной партии, то еще гораздо более осторожно он подходил к тем решениям, которые касались братских партий других стран. Не было для него ничего более святого, чем дело помощи рабочим других стран, чем дело действительного выполнения долга интернационалиста. Нашей партии, как передовому отряду Коммунистического Интернационала, придется, и не раз, и в будущем принимать решения, которые близко касаются судеб рабочих партий в целом ряде стран. Товарищи, для того, чтобы мы могли со спокойной совестью принимать решения, иногда, быть может, и ошибаясь и поправляя честно и искренно свои ошибки, для того, чтобы мы могли продолжать сколько-нибудь удовлетворительно ту великую работу, кото-

рую завещал нам Владимир Ильич, для этого нам нужно больше? и прежде всего единство наших собственных рядов.

Владимир Ильич провел нашу страну через самое глухое, через самое трудное время. Мы все уже теперь чувствуем: Россия становится, стала и будет становиться с каждым днем и с каждым годом все более богатой, все более великой рабоче-крестьянской страной.

Наш Союз Советских Социалистических Республик усилиями Владимира Ильича уже выведен на широкую дорогу. Самое трудное, что ни говорить, осталось позади. Неужели же мы промотаем столь великое наследство, неужели все мы, все вместе, ученики Владимира Ильича, прошедшие школу у такого гениального руководителя, неужели все мы, имеющие за спиной три революции, неужели все мы, имеющие за собой неразрывную связь с такой превосходной пролетарской массой, которую мы наблюдаем в Москве и во всем Союзе Социалистических Республик, неужели же мы, окруженные доверием и любовью рабочих партий всего мира, всего, что ни есть честного, революционного в международном пролетариате, неужели мы не сумеем выполнить эту сравнительно уже теперь не такую трудную задачу, какой она была в первые годы, в первые месяцы существования Советской власти?

Сумеем!

И как нам ни тяжело, товарищи, выше голову!

Ответственность, которая ложится на нас, тяжела, но она не должна раздавить никого из нас. Эта ответственность ложится на железные плечи Российской Коммунистической Партии и Советской власти. Мы должны, мы обязаны суметь выполнить то, что завещал нам Владимир Ильич. Мы обязаны свет его уче-

ния понести в еще гораздо более широкие, беспредельные народные массы, мы обязаны облегчить и ускорить тот момент, когда десятки и сотни миллионов населения Китая, Индии, всего Востока, всего того Востока, историческую роль которого так высоко оценил и так хорошо сознавал Владимир Ильич и учил нас сознавать,—придут нам на помощь и вступят с нами в союз. Угнетенные народы мира уже идут навстречу к нам. Уже близок момент нашего с ними стыка. Неужели, товарищи, мы не сумеем выполнить той, повторяю, сравнительно не столь уже трудной задачи, какой она была несколько лет тому назад.

Мы должны, товарищи, отсюда разъехаться с сознанием того, что на нас легла нечеловечески трудная ответственность, но и с сознанием вместе с тем того, что Владимир Ильич оставил нам ключ к разрешению всех основных задач современности и оставил нам могучую организацию, которая имеет, если она будет едина, если она даст себе клятву до конца крепко стоять на том посту, который завещал Владимир Ильич,—имеет все основания надеяться, что она выполнит свою великую историческую миссию.

Близко время, когда на наших глазах будут лопаться, как мыльные пузыри, ныне еще большие социал-демократические партии, желтые профессиональные союзы и т. д. Близок тот момент, когда десятки и сотни тысяч ныне еще с.-д. рабочих перейдут к нам, когда из рядов рабочего класса будут выходить новые борцы, новые титаны мысли. Не может быть, чтобы грядущая развивающаяся на наших глазах международная пролетарская революция не дала нам новых крупных вождей. Она даст их нам. Наш собственный народ, талантливый и даровитый, сам будет выдвигать, вероятно, десятки и, может быть, сотни новых талантливых вождей, работников деревни, работников

города, тех людей, которые сумеют завершить дело Владимира Ильича. И тем более такие вожди выдвинутся из рядов международного класса.

Пусть же заветы Владимира Ильича будут для нас святыми в лучшем смысле этого слова. Будем помнить те простые, но замечательные слова, которые мы слышали сегодня из уст Надежды Константиновны, которая высказала их так, что лучше не мог бы сказать и сам Владимир Ильич. Будем достойны, товарищи, своего великого учителя, будем помнить, что па нас теперь больше чем когда бы то ни было смотрят не только трудящиеся Союза наших республик, но и трудящиеся всего мира. Будем же достойны, как сказала Надежда Константиновна, нашего великого учителя Владимира Ильича Ленина.

ЛЕНИН И РАБОЧИЕ.

В статье, посвященной памяти Карла Маркса, покойная Роза Люксембург писала:

«Если бы мы захотели в немногих словах сформулировать все, что сделал Маркс для современного рабочего движения, то мы бы сказали, что Маркс открыл современный рабочий класс как историческую категорию, т.-е. как класс с определенными историческими условиями существования и определенными законами исторического развития».

В. И. Ленину выпало на долю большее счастье: теоретически «открытый» Марксом рабочий класс он повел в бой. Под его руководством рабочий класс, по крайней мере, одной из стран, превратился из «низшего» класса в господствующий класс. Его гением создана международная организация рабочих, поставившая себе эту же задачу в интернациональном масштабе.

Но если В. И. Ленину не пришлось уже «открывать» рабочий класс, то рабочий класс «открыл» самого В. И. Ленина. При первых же признаках начинающейся мировой пролетарской революции международный рабочий класс почувствовал именно в В. И. Ленине своего избранного вождя. Сам В. И. Ленин чувствовал себя всегда только первым из рабочих, выдвинутым ходом истории на первое место.

Всем своим образом действий он как бы говорил нам: «я только один из передовых рабочих; мне выпало на долю большее образование и дарование; мое дело собрать всех остальных рабочих и повести их в бой».

Это основное настроение В. И. Ленина тысячами невидимых нитей по «беспроволочному телеграфу» передавалось от сердца к сердцу в самые широкие круги беспартийных рабочих масс.

Глубоко любовное, интимно-любовное отношение широчайших слоев беспартийных рабочих масс к Владимиру Ильичу впервые отчетливо обнаружилось с особой силой в 1918 году, когда раненый эс-эровской пулей тов. Ленин боролся со смертью. Кто не помнит тогдашнего массового потока резолюций, заявлений, писанных самими рабочими и носивших какой-то совершенно особый отпечаток любовности, ласки и поклонения в лучшем смысле этого слова.

Рабочая масса не слишком щедра на похвалы и громкие эпитеты. Рядовой рабочий скромен и застенчив в выражении своих чувств даже к любимому вождю. Но по отношению к В. И. Ленину этот рабочий-рядовик нашел в 1918 году такие слова, которые делали из некоторых резолюций беспартийных рабочих настоящие образчики художественной прозы.

То же самое, в еще большем масштабе, наблюдаем мы теперь, когда Владимир Ильич закрыл глаза навеки.

Прочитайте следующий отрывок письма работницы на смерть тов. Ленина. Безработная Никифорова пишет:

«Дорогой отец наш! Ты ушел от своих детей навеки...

Мы знаем, что скоро настанет тот час, когда со всех стран мира посыплются на твою горячую могилу венки...

Не утренняя летняя роса будет кропить ее, а слезы твоих детей, которые так горячо тебя любили и будут вечно преданы тебе...».

Кто усомнится в том, что эти слова выражают настроение всего того, что есть лучшего в рабочем классе?..

Одна слезинка такой работницы есть лучшая награда для пролетарского вождя.

Кто видел десятки и сотни тысяч рабочих, в благоговейном молчании ожидающих своей очереди, чтобы войти в Ко. онный зал и отдать последний долг усопшему, тот никогда не забудет этого зрелища, величавее которого не знала мировая история...

Кто знает отношение русских рабочих к В. И. Ленину, тот не сомневался в том, что в ответ на смерть учителя широкая беспартийная рабочая масса скажет какое-то свое особое слово. Мы не знали только, в чем именно оно будет заключаться. Теперь это уже ясно. Беспартийная рабочая масса отвечает тем, что массовым потоком устремляется в ряды той партии, которую создал В. И. Ленин.

В Петрограде и Воронеже, в Киеве и Харькове, в Москве и Иваново-Вознесенске, в Донецком бассейне и на Кавказе — всюду мы наблюдаем одно и то же явление: обнажая голову перед свежей могилой В. И. Ленина, беспартийные рабочие твердо и без лишних слов заявляют о желании вступить в ряды нашей партии.

Целые заводы постановляют — всем вступить в партию. Или — «отобрать лучших и послать в члены партии».

Это — совершенно исключительное явление. Важность его трудно переоценить. Партия должна внимательнейшим образом изучить это явление, понять его и сделать из него все надлежащие практические выводы.

«В потрясенный утратой своего учителя и вождя организм РКП мы решили влить свою беспартийную силу путем нашего вступления в ряды славной РКП».—Так пишут беспартийные рабочие патронного завода в Москве.

На совместном летучем митинге рабочих чугунного завода «Москуст» и «Мотомашина» утром 23 января присутствовало около 400 рабочих; 99 из них заявили желание немедленно вступить в партию. В ячейку завода «Красный кожевник» поступили десятки подписей беспартийных рабочих с такими же заявлениями. «Кто покрепче — в ряды РКП; будем стремиться к тому, чтобы все лучшее отдать в ряды РКП».

Эти голоса несутся из кругов беспартийных рабочих крупнейших заводов-гигантов Петрограда и других городов. «Собравшиеся 50 беспартийных рабочих выделили из себя наиболее крепкую пятерку и посылают ее в ряды членов РКП». Такие резолюции начинают поступать десятками.

Это движение только еще начинается. К нему надо суметь прислушаться, его надо суметь поддержать. Недавно закончившаяся наша всесоюзная партконференция постановила в течение ближайшего года привлечь в ряды нашей партии не менее чем 100.000 новых членов партии исключительно из рабочих от станка. Решение это принято *до* смерти Владимира Ильича. Если решение это было правильно и глубоко жизненно до 21 января — день, когда Владимир Ильич закрыл глаза навеки — то оно еще гораздо более правильно и жизненно теперь.

Мы не говорим уже о тех сотнях и тысячах резолюций беспартийных рабочих, которые только в общей форме говорят о необходимости «укрепить нашу РКП». Мы не говорим о тех рабочих, которые

исключительно под влиянием чувства заявляют сейчас о своей верности нашей партии, мы не сомневаемся, что если бы проходящим в течение последних дней к Колонному залу Дома Союзов сотням тысяч рабочих мы предложили записываться в партию, добрая половина сделала бы это с величайшей искренностью. Мы говорим здесь исключительно о той наиболее крепкой, закаленной части беспартийных рабочих, для которых их нынешнее отношение к РКП есть нечто вполне созревшее и обдуманное.

В такие дни, как переживаемые ныне, каждый из нас с особенной ясностью видит, насколько сильна наша партия, насколько срослась и сроднилась она, несмотря на все наши слабости, с глубочайшей массой беспартийных рабочих. С тревогой спрашиваем мы на наших съездах и конференциях: а сколько у нас членов партии, работающих у станка? а не слишком ли мала эта группа? а не отрываемся ли мы от масс? Это — законная тревога. Мы не были бы последователями тов. Ленина, если бы не задавали себе такие вопросы и не старались во-время принимать необходимые меры. Но тот отклик, который встречает кончина Владимира Ильича у сотен тысяч и миллионов беспартийных рабочих нашего Союза Республик, показывает, что, в конце концов, вопрос о том, как велика количественно группа членов нашей партии, работающих непосредственно у станка, все же есть вопрос только подчиненный. Мы были и остаемся партией рабочего класса, плотью от плоти его. Рабочие массы нашей страны не знают и не хотят знать никакой другой партии, кроме той, которую создал и выпестовал Владимир Ильич.

Пусть наша партия обратит самое пристальное внимание на то замечательное движение, которое

началось в широких кругах беспартийных рабочих в последние дни. Мы должны пойти навстречу этому движению всеми силами. Если нам удастся в ближайшее время привлечь целый новый слой рабочих от станка в нашу партию, это будет лучшим венком на свежую могилу Владимира Ильича. Тот новый слой рабочих, который после необходимого отсеивания войдет в нашу партию в связи с наметившимся в последние дни подъемом среди беспартийных пролетариев, будет, мы уверены, не худшим слоем. Эти свежие слои вчера еще беспартийных рабочих, при помощи нашей партии, сумеют получить надлежащий закал и марксистское воспитание, и они станут достойными продолжателями дела Владимира Ильича.

Вчера мы случайно подслушали разговор двух рабочих.

Первый: Что же мы будем делать теперь без него (Владимира Ильича)?

Второй: Эх, теперь все ж уже не так трудно будет. Что делали бы мы, если бы он умер три-четыре года тому назад?

Так простые рабочие переводят на свой язык слова поэта:

. . . Не говори с тоской: их нет,
Но с благодарностию: были...

Несчастье, обрушившееся на голову нашей партии, воспринято всем рабочим классом нашей страны, как свое собственное несчастье. Умер лучший друг народа. Но и самой смертью своей он еще и еще раз сплотил тот класс, знаменосцем которого он был.

Ближе, еще ближе к рабочим массам — вот наше ответное движение на начавшийся подъем среди беспартийных рабочих. Только такая политика нашей партии будет достойна Владимира Ильича.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЛЕНИНА [1]).

Товарищи! Семь лет тому назад на этой площади впервые раздалось в революционной России слово того человека, имя которого теперь на устах у трудящихся всего мира. Семь лет тяжкой борьбы лежат позади нас. Многие из деятелей нашей великой революции испытывают такое чувство, как бы семьдесят лет взяты ими на свои плечи. Многие из деятелей революции, вышедшие на широкую дорогу революционной борьбы вместе с покойным Владимиром Ильичем, так же, как и он, уснули навеки. Но страна наша за эти семь лет не состарилась, она помолодела, она скинула с плеч своих царское иго, давившее нашу страну в течение трех столетий, она скинула с плеч своих иго буржуазного владычества, угнетавшего нашу страну не одно десятилетие. И, когда Владимир Ильич произносил свою речь поздним вечером 3-го апреля по старому стилю в 1917 году на этой площади, его имя было известно только передовикам рабочего класса, наиболее сознательным рабочим наиболее передового города революции, тогдашнего Петрограда. Десятки тысяч рабочих с восторгом и с беспредельной верой увидели во Владимире Ильиче своего вождя и учителя. Но это признание было тогда далеко не всеобщим. В том же Петрограде, в первую же минуту,

---

[1]) Речь, произнесенная в Ленинграде при закладке памятника В. И. Ленину, 16-го апреля 1924 г.

когда Владимир Ильич вступил на его почву, началась кампания неслыханной клеветы против него. Признание было не всеобщим даже среди рабочих. Большинство петроградских рабочих, большинство тогдашнего Петроградского Совета шло не за Лениным, а за теми, кто тащил русских рабочих поддерживать буржуазию, поддерживать империалистическую войну. Но эта группа передовиков, насчитывавшая тогда только десятки тысяч, была мозгом рабочего класса нашей страны; это были наиболее передовые рабочие наиболее передового города. Когда к этим десяткам тысяч передовиков рабочего класса прибавился гений лучшего из вождей международного пролетариата, все мы почувствовали сразу, за одну ночь, за те часы, в течение которых прибыл сюда Владимир Ильич, что сила рабочего класса удесятерилась. И чем больше было гонений против партии большевиков, чем больше клевет распространялось специально о нашем вожде и учителе, тем глубже проникали мы в сердца и мысли рабочего класса нашей страны. И, когда Владимир Ильич закрыл глаза навеки, после семи лет тяжкой борьбы, перевернувшей всю Россию, всколыхнувшей до дна миллионы и десятки миллионов людей, — не только друзья, но и многие из бывших врагов с величайшим уважением обнажили голову перед могилой Владимира Ильича. Мы все услышали признание не только со стороны всего рабочего класса, не только со стороны всех крестьян нашей страны, но и со стороны народов всего мира. Памятник, воздвигаемый Владимиру Ильичу, внешним образом скромен. Насколько я знаю, сегодня делается первая попытка создать такой памятник у нас. Я недавно читал в газетах сообщение о том, что американская буржуазная демократия собирается воздвигнуть памятник одному из своих полководцев, генералу

Ли. Имя его немного, вероятно, говорит вам и даже тем, кто систематически следит за жизнью Америки. Этот генерал имеет некоторую заслугу в деле освобождения одного из штатов Америки. Памятник предполагается необъятной величины. Говорят, что египетская пирамида будет только чуточку больше величины копыта коня, на котором будет сидеть этот пресловутый генерал Ли. По сравнению с шапкой, надетой на него, человек, рядом поставленный, покажется маленькой игрушкой. Мировому вождю рабочего класса мы не воздвигаем и не собираемся воздвигать таких памятников. Да он и не нуждается в них. Имя тов. Ленина, за это можно ручаться смело, известно каждому человеку в Америке. Вы не найдете там ни одного человека, не только белой, но и черной кожи (в Америке живет около 15 миллионов негров), который не знал бы, кто такой тов. Ленин. И потому воздвигаемые ему памятники внешним образом гораздо скромнее.

Тов. Ленин провел рабочий класс России через три революции. Он был признанным вождем передовой части рабочего класса нашей страны уже в 1905 году. Он был признанным вождем более широких слоев трудящихся в начале Февральской революции 1917 года. Едучи из далекого изгнания, Владимир Ильич, как и все мы, был убежден в том, что правительство кн. Львова, авантюриста Керенского и помещика Гучкова посадит его в тюрьму, как только он появится на Финляндском вокзале. Он был приятно разочарован, как и все мы, убедившись в том, что кн. Львов, Керенский и Гучков не могут арестовать его, ибо десятки тысяч рабочих уже тогда чтили в нем своего величайшего вождя и учителя. Тов. Ленин уже тогда был признанным вождем рабочего класса и крестьянства нашей страны. Когда про-

бил великий час Октябрьской революции, поставившей себе задачей покончить не только с властью царей, но и с властью капиталистов, трудящиеся массы, все, что было честного и сознательного в рабочем классе и крестьянстве, целиком шли за тов. Лениным. В июльские дни 1917 года Владимир Ильич вновь был загнан в подполье меньшевистско-эс-эровскими министрами-«социалистами», которые тогда гремели на всю Россию, объявляя тов. Ленина немецким шпионом.

Они загнали его в подполье. В свободной России, в России, которую они называли свободной, где свободно распоряжался черносотенный генерал Корнилов, где свободно расстреливали на улицах столицы кронштадтских моряков и выборгских пролетариев, в свободной по-ихнему России, где попы и архиереи с величайшим торжеством хоронили несколько убитых в июльские дни белых офицеров в то время, когда мы должны были тайком хоронить своих мертвецов, замученных и расстрелянных моряков и рабочих, — в этой так называемой свободной России не нашлось места для Владимира Ильича: его загнали в подполье, он должен был в течение трех недель жить в скирде сена, скитаться около Сестрорецка, должен был спасаться в Финляндии, при чем через границу он перебрался, переодевшись кондуктором, на локомотиве.

Он должен был во время владычества меньшевиков и эс-эров нелегально подготовлять великое Октябрьское восстание, поднимая на него, прежде всего, петроградских рабочих. Из далекого изгнания (из далекого изгнания не географически, ибо Финляндия находится близко) Владимир Ильич писал накануне Октябрьской революции следующие великие слова. В статье, до сих пор не видевшей света и теперь

найденной, от 22 сентября 1917 года, Владимир Ильич писал:

«В стране явно нарастает новая революция, революция иных классов (по сравнению с теми, которые осуществили революцию против царизма). Тогда была революция пролетариата, крестьянства и буржуазии, в союзе с англо-французским финансовым капиталом, против царизма. Теперь растет революция пролетариата и большинства крестьян, именно беднейшего крестьянства против буржуазии, против ее союзника англо-французского капитала, против ее правительственного аппарата, возглавляемого бонапартистом Керенским».

Товарищи! Теперь эти слова кажутся нам чем-то само собою понятным. Теперь нам всем ясно: Февральская революция, которая была сделана руками рабочих и солдат, но плоды которой пожала буржуазия, была революцией, действовавшей в союзе с английскими капиталистами, в частности с английским послом Бьюкененом, который находился здесь в Петрограде и руководил Милюковым. Так всегда бывало во многих и многих революциях до Октябрьской. Повсюду и везде на фронтах дрались с полицейскими рабочие-ремесленники, трудящийся люд, но плоды побед пожинала буржуазия. Наша Октябрьская революция, которую вдохновил Владимир Ильич своим гением, тем и отличается от всех остальных, что рабочие не только дрались с буржуазией, не только освобождали своих пленников из тюрем, не только брали на себя черную тяжелую работу физического боя с угнетателями,— величие Октябрьской революции заключается еще в том, что результаты ее достались не чужому классу, не буржуазии, а тем, кто эту ре-

волюцию делал, кто своим горбом проделал всю борьбу, кто вышел первый на дорогу, кто пролил свою кровь, кто взял на себя решимость поднять знамя великого восстания. И вот, товарищи, если был человек, могучим прожектором осветивший дорогу рабочему классу надолго и надолго вперед; если был человек, умело предвидевший трудности борьбы и во-время предвосхищавший коварство врага, человек, сумевший в своем замечательном мозгу переработать весь опыт многочисленных предыдущих революций во всем мире; если был человек, взвесивший на своей ладони все шансы за и против; если был человек, поднявший до дна весь рабочий класс и двинувший его на тяжелую, невиданную еще в истории борьбу,—то этим человеком был тов. Ленин. Под его руководством наша партия, включающая в себя все, что есть лучшего в рабочем классе и крестьянстве, подбиравшая зернышко за зернышком все, что есть наиболее сознательного, грамотного и наиболее мужественного в рабочем классе; под его руководством наша партия становилась от ударов врагов только более сплоченной, только более закаленной и только более организованно подготовлялась к предстоявшим боям. Если бы в двух словах выразить значение Владимира Ильича, то надо бы сказать, что его **величие заключалось в том, что он умел точно предвидеть переход от буржуазной революции к пролетарской.** Он сумел ускорить этот момент, стать знаменосцем великой пролетарской революции. Он сумел помочь своему классу—рабочему классу, сумел сделать, чтобы плоды побед достались ему, а не какому-либо другому классу. Владимир Ильич стал светочем для рабочих всего мира. Нет такого уголка во всем мире, где бы не оплакивалась смерть Владимира Ильича. Я слышал на-днях рассказ

одного старого вождя английского рабочего класса Тома Мэна. Он рассказывал, с каким душевным трепетом десятки тысяч беспартийных рабочих и рабочих-меньшевиков Англии (там их еще много) ловят каждое слово о Владимире Ильиче. Каждое собрание английских рабочих теперь встает и в течение нескольких минут стоит безмолвно в честь и память тов. Ленина. И если подумать о том, что переживает рядовой рабочий-меньшевик Англии в течение этих нескольких минут, когда он безмолвно стоит, чтя память тов. Ленина, то мы не ошибемся, если скажем, что он продумывает именно переход от буржуазных взглядов к пролетарским. Он, быть может, ощупью, быть может, не вполне ясно, инстинктивно продумывает именно этот переход от февраля к октябрю—тот путь, который, в силу счастливого стечения обстоятельств, рабочие нашей страны прошли в течение нескольких месяцев, тот путь, который рабочие других стран теперь проходят в течение многих лет кровавой, жестокой, беспощадной борьбы. Русский рабочий класс вправе гордиться, что из его рядов вышел такой гений, что наша страна, наша партия, наш класс, наш народ выдвинули человека, который стал знаменосцем для трудящихся всего мира.

Товарищи! Я хотел бы сказать два слова специально о том, чем был Владимир Ильич для нас, для Ленинграда, для ленинградских рабочих. Ленинград только маленький уголок мира, но немаловажный. Случилось так, что наш город стал передовым форпостом международной пролетарской революции. Вы знаете все, что свою деятельность Владимир Ильич начинал в нашем городе. Вы знаете,—он заявлял об этом нам не раз,—что многие из его мыслей вдохновлены лучшими рабочими Питера, которых он учил, но у которых он учился, которым он много расска-

зывал, но которых он умел и слушать. Вы все знаете, что величайшее историческое дело, выполненное Владимиром Ильичем, более всего связано с петроградскими рабочими, встречавшими его семь лет тому назад, 3-го апреля, в числе десятков тысяч и через несколько месяцев, в октябре 1917 года, следовавшими за ним в числе нескольких сот тысяч. Владимир Ильич верил в петроградских рабочих, как в самую могучую революционную силу нашей страны. Я вам прочитаю по этому поводу один отрывок. 12-го июля 1918 года, когда трудности революции были особенно тяжелы, когда нас окружали со всех сторон, Владимир Ильич обратился к петроградским рабочим с письмом, которое тогда ходило по рабочим кружкам и опять-таки только на-днях напечатано. В этом письме он говорил:

«Кулаки ненавидят Советскую власть, власть рабочих, и свергнут ее неминуемо, если рабочие не напрягут тотчас же всей силы, чтобы предупредить поход кулаков против Советов, чтобы разбить на-голову кулаков, прежде чем они успели объединиться.

Сознательные рабочие могут в данный момент осуществить эту задачу, могут объединить вокруг себя деревенскую бедноту, могут победить кулаков и разбить их на-голову, если передовые отряды рабочих поймут свой долг, напрягут все силы и организуют массовый поход в деревню.

Сделать эту попытку некому, кроме питерских рабочих, ибо столь сознательных, как питерские рабочие, других в России нет. Сидеть в Питере, голодать, торчать около пустых фабрик, забавляться наивной мечтой восстановить питерскую промышленность или отстоять Питер, это глупо и преступно. Это —

гибель всей нашей революции. Питерские рабочие должны порвать с этой глупостью, прогнать в шею дураков, защищающих ее, и десятками тысяч двинуться на Урал, на Волгу, на Юг, где много хлеба, где можно прокормить и себя и семью, где они должны помочь организации бедноты, где необходим питерский рабочий, как организатор, руководитель и вождь».

Вдумайтесь в эти слова. При первых же трудностях революции Владимир Ильич прежде всего обращает свой взор к петроградским рабочим. Он обращается к ним, как к пролетарской вольнице, как к пролетарскому вольному казачеству. Он говорит им: вы самые воспитанные, самые революционные, самые дальновидные рабочие; нечего вам сидеть и смотреть, как медленно умирает ваша промышленность; десятками тысяч поднимайтесь и идите на Юг, на Урал, бейте белых, стройте Советскую власть, берите на себя роль коллективных организаторов, учителей русского народа. Вы помните, я думаю, эти тяжелые годы, когда решались судьбы революции. Они решались не только в октябре 1917 года, но и после, когда начались главные трудности. Голос Владимира Ильича был услышан пролетарской вольницей. Петроград поднялся. Лучшее, что было в рабочем классе нашего города, простилось с семьями, с насиженным местом и бросилось туда, куда звал указующий перст великого учителя. Многие и многие десятки тысяч наших рабочих пошли в первые отряды Красной армии, в организаторы волостных и уездных советских органов создали основы аппарата пролетарского государства. Многие и многие тысячи из этих наших товарищей погибли на фронтах. И всюду, где дожди моют кости павших в борьбе за Октябрьскую рево-

люцию, всюду там найдется не один и не два, а многие десятки погибших за наше дело ленинградских рабочих. Как только стало чуточку полегче, как только стало ясно, что мы основную борьбу выиграли, Владимир Ильич сейчас же бросает лозунг поднятия ленинградской промышленности, сейчас же ставит в порядок дня вопрос о Волховстрое, о той могучей электростанции, которую мы сейчас воздвигаем и которая должна помочь нашей оскудевшей промышленности встать вновь на ноги. Сейчас наша пролетарская ленинградская вольница понемногу оттягивается назад, постепенно собирается со всех концов республики, и часть ее, поскольку можно судить, возвратилась теперь на наши фабрики и заводы. По инициативе Владимира Ильича, республика, несмотря на всю нашу бедность, дала 10 миллионов рублей золотом, чтобы создать мощную электростанцию, долженствующую послужить рычагом для поднятия нашей промышленности. Можно достаточно убедительно и выразительно словами тов. Ленина дать ответ всем тем, кто говорит нам, что ленинградскую промышленность поднять нельзя, что ее нужно переносить куда-то в другие места, что Ленинград плохо расположен в силу его близости к границам, и т. д.: таких дураков мы будем гнать в шею. Было время, когда десятки тысяч пролетарской вольницы Ленинграда отдавали кровь своего сердца и все, что у них было, на то, чтобы отстоять завоевания пролетарской революции в тех местах, где тогда решалось дело. Да, в 1918, 1919 и 1920 г. г. дело решалось на полях битв против Колчака, Деникина и т. д., дело решалось в борьбе против деревенского кулака, не дававшего хлеба и мечтавшего взять революцию голодом. Теперь другое время. Теперь судьбы революции решаются чем?

Сейчас дело в том, поднимем ли мы наше хозяйство, удержим ли мы могучий очаг пролетарской революции? А таких очагов не так много в нашей стране. И Ленинград является одним из первых таких очагов. Недаром тов. Ленин говорил: нет больше нигде таких рабочих, как в Петрограде. Наступило время, когда с таким же геройством, как петроградские рабочие в 1918 –1919 г. г. бились против белых,— когда с таким же геройством, настойчивостью и упорством они будут работать над поднятием ленинградской промышленности. Петроградских рабочих тов. Ленин любил, как своих братьев. Я думаю, товарищи, что у нас нет лучшего способа воздать настоящую дань уважения и любви нашему учителю и вождю Владимиру Ильичу, как работать теперь над поднятием промышленности нашего города, над упрочением мощи рабочего класса нашей страны. Это поняли широкие беспартийные рабочие массы. Это поняли сотни тысяч рабочих, в ленинский призыв вливающихся в наши ряды. И, разумеется, цвет ленинградского пролетариата эту основную задачу никогда не забудет.

Проходит год за годом, героическая полоса непосредственных боев за победу рабочей власти отодвигается. Но это не значит еще, что перед нами не стоят попрежнему великие задачи социалистической революции. Нет, они впервые встали теперь перед нами во весь свой рост, во всю свою величину. Они встанут перед нами еще в международном масштабе. Вы помните, что программа Владимира Ильича заключается не только в том, чтобы помочь победить рабочему классу в нашей стране. Его программа заключается в том, чтобы помочь победить рабочему классу во всем мире. Его программа — деятельность Коммунистического Интернационала. Его программа —

международная пролетарская революция. И многим и многим из нас еще доведется поработать над этой большой программой Владимира Ильича после того, как первоначальная малая программа вчерне выполнена. Тут, товарищи, каждый должен работать на своем месте, на своем посту, над тем великим делом, которое завещал нам Владимир Ильич.

Его идеи велики и просты так же, как велик и прост был он сам. Его идея — союз рабочих и крестьян — стала теперь настолько ясна и популярна, что ее знает каждый пионер, каждый из детей рабочего класса. Но эта идея еще не облеклась достаточно плотью и кровью. Давайте работать прежде всего над тем, чтобы союз рабочего класса и крестьянства прошел в глубины глубин деревенской России, чтобы каждый красноармеец, каждый беспартийный рабочий, каждая крестьянка, каждая кухарка, как любил говорить Владимир Ильич, поняли величайшую и замечательную идею, послужившую рычагом в руках Владимира Ильича и руководимого им рабочего класса. Давайте каждый на своем посту работать над тем, чтобы дело, за которое лег костьми Владимир Ильич, победило не только в нашей стране, но и во всем мире. Пусть Ленинград и ленинградские рабочие, ленинградская пролетарская великая вольница, которая сыграла такую колоссальную роль в великом деле, начатом Владимиром Ильичем, пусть эта вольница готовит свое подрастающее поколение к тем временам, когда она бросится на борьбу не только против Колчаков русских, но и всемирных. Будьте уверены, когда придет время, ваша вольница пойдет на борьбу за всемирную пролетарскую революцию. Будемте воспитывать детей русского рабочего класса б о р о т ь с я з а з а в е т ы И л ь и ч а. Будемте внушать им, какое великое дело сделал этот человек, которого чтим

мы и вместе с нами все трудящиеся всего мира. Наши партийные и советские организации и рабочие всего Ленинграда вместе с профсоюзами сделают все возможное для того, чтобы на этой площади воздвигнуть первый скромный памятник Владимиру Ильичу. Но, товарищи, самое важное, это—работать в духе Владимира Ильича, воспитать подрастающее поколение в духе его заветов. Самое важное, это—понять глубину мысли, величие дела величайшего из людей, величайшего из революционеров, из друзей народа, каких до сих пор знал мир. Давайте работать так, как учил нас Владимир Ильич Ленин. Давайте из поколения в поколение внушать ленинградским рабочим, а через них рабочим остальной России, что нет звания более высокого, как звание рабочего-пролетария, который помог Ленину выполнить его дело и был его современником. Вы знаете о похвальных отзывах, даваемых тов. Лениным петроградским рабочим. Вообще тов. Ленин был скуп на похвальные слова даже по отношению к лучшим его друзьям. Но я не знаю, кого он хвалил еще так, как ленинградских рабочих. И это возлагает на нас величайшую ответственность. Это величайший почет для петроградских рабочих. Они шли туда, куда их звал пламень мысли и революционный гений Владимира Ильича. Они пойдут за ним и тогда, когда Ленин уснул навеки. Они пойдут по дороге Владимира Ильича и тогда, когда он сам, великий строитель, великий друг народа и великий революционер, когда он сам, отдав все, что имел, до последней капли за дело рабочего класса и крестьянства, навеки почил.

КОНЧИНА ЛЕНИНА И ЗАДАЧИ ЛЕНИНЦЕВ.

Можно ли представить себе человека, который когда-либо слышал Владимира Ильича и забыл бы об этом? А слышали его живую речь сотни тысяч, если не миллионы людей. Каждому, кому выпадало на долю счастье непосредственно слышать Владимира Ильича, тов. Ленин как бы передавал частицу самого себя. Где бы ни были сегодня эти сотни тысяч и миллионы людей, слышавших Ленина или даже только слышавших о Ленине, как бы разбросаны ни были эти люди по всему свету, многие и многие из них, если не все, вспомнят сегодня о Владимире Ильиче с просветленным чувством глубокой душевной благодарности к тому, кто, как никто, с такой неслыханной силой ударил по сердцам всего борющегося за лучшее будущее человечества. Во всем мире, на всех языках миллионами и миллионами трудящихся сегодня повторяется одно имя: Ленин.

У каждого, кто знал Ленина, кто слышал Ленина, сегодня прежде всего просится наружу чувство личной благодарности к тому, кто поднял на такую недосягаемую высоту идею рабочего класса, кто сделал человечество выше на целую голову. С тем большей силой такое чувство просится наружу у всех нас, членов той партии, которую создал гений Владимира Ильича, у тех учеников Владимира Ильича, которые в течение двадцати лет и больше работали бок-о-бок

с ним, вместе с ним переживали горечи поражений и радости побед, учились у него и знали его не только как гениального вождя, но и как человека и учителя.

14 марта 1883 г., в день смерти Маркса, Энгельс писал старому товарищу Маркса—Зорге:

«Все явления, даже самые ужасные из них, совершающиеся по законам природы, чреваты утешением. Так и в данном случае. Искусство врачевания могло бы, может быть, продлить ему пару лет растительного существования, жизнь беспомощного, лишь во славу искусства докторов, не сразу, а медленно умирающего существа, но такой жизни наш Маркс не перенес бы. Жить, имея перед собою ряд незаконченных работ, и испытывать муки Тантала при мысли о невозможности довести их до конца—было бы для него в тысячу раз тяжелее спокойной смерти... По моему мнению, после всего пережитого, другого исхода не было; это я знаю лучше всех врачей».

Сегодня, когда пред нами лежит сухой протокол врачебного вскрытия тела Владимира Ильича, приходится, к несчастью, повторить эти слова Энгельса в применении к тов. Ленину. Упорный склероз — результат нечеловеческого перенапряжения сил на непосильно тяжелой умственной работе — сделал положение Владимира Ильича безнадежным и до того последнего удара, который разразился 21 января и привел к катастрофе. Ленин, лишенный возможности говорить, писать, вести людей на борьбу, работать и работать! — можно ли себе представить бо̀льшие муки для этой мятежной натуры, для этого бунтовщика из бунтовщиков и мыслителей из мыслителей?..

Но возьмемте сердце в руки. Пусть каждый сам с собой переживет те чувства, которые естественно будит в нас кончина Владимира Ильича. Попробуемте уже сейчас со всей холодностью и спокойствием, которым учил нас Владимир Ильич, наметить задачи, поставленные перед ленинцами кончиной тов. Ленина.

До самого последнего времени все мы, вся наша партия, не переставали верить в то, что Владимир Ильич вернется еще к работе. Верили в чудо: ведь Ленину десятки и сотни раз удавалось то, что казалось совершенно неразрешимым. Теперь—свершилось. Партия должна работать без Ленина.

«Движение пролетариата пойдет своим путем, но не будет уже центра, к которому в критические минуты спешили за помощью французы, русские, американцы и немцы, получавшие от него всегда ясные и верные советы; такие советы, которые мог дать только гений и человек, в совершенстве владеющий предметом».

Так писал Энгельс в день смерти Маркса.

Это чувство осиротелости переживаем сегодня все мы.

Задачи, которые стояли перед марксистами в 1883 году—после смерти Карла Маркса,—были трудны и сложны. Но во сколько же раз трудней и сложнее те задачи, которые стоят перед нами, марксистами-ленинцами, в 1924 г., когда нас покинул тов. Ленин?!

После смерти Маркса перед марксистами стояли задачи в первую голову теоретические. Международное рабочее движение переживало полосу глубокого безвременья. Первый Интернационал распался. Второй еще не успел сложиться. Французское рабочее движение—да и не одно оно—все еще не оправилось

после тяжелого разгрома Парижской Коммуны 1871 г. Международное революционное рабочее движение только еще выходило на широкую дорогу. Главная задача заключалась в том, чтобы великое теоретическое наследие, оставленное Марксом, сделать достоянием широкого рабочего движения.

Задачи марксистов-ленинцев — теперь куда сложней и ответственнее. Международная пролетарская революция началась. Она одержала свои первые победы в одной из крупнейших стран мира. И в то же время все трудности великой борьбы за осуществление пролетарской диктатуры в международном масштабе еще впереди. II Интернационал миазмами своими все еще отравляет международное рабочее движение. Задачи Коммунистического Интернационала, созданного Владимиром Ильичем, усложняются с каждым днем. Путь становится все более извилистым и тяжелым. Идущий к своей победе международный пролетариат в лице своих отдельных отрядов еще не раз и не два собьется с пути и, обливаясь кровью, будет искать новую дорогу. Разгромленный в первой мировой империалистской войне, распятый и обманутый лжевождями из II Интернационала—международный пролетариат еще не освободился от кошмарного ощущения бездорожья. Перед марксистами-ленинцами, которые должны теперь руководить международным движением без нашего несравненного мастера и вождя, стоит непочатый край труднейшей не только теоретической, но и практически-политической работы.

Первая задача ленинцев в России заключается в том, чтобы в отсутствие Ленина закрепить прежде всего основную идею ленинизма — союз рабочего класса и крестьянства. Коренная и основная задача РКП после смерти Ленина заключается прежде всего в этом. Своей работой мы должны добиться того

чтобы в кратчайший срок миллионы и миллионы российского крестьянства поняли: Ленин умер, но ленинская партия в основном вопросе, определяющем судьбы всей русской революции, будет с еще большей энергией вести прежнюю политику. Добьемтесь того, чтобы в кратчайший срок среди активных слоев крестьянства не осталось ни одного человека, который не знал бы: партия большевиков ведет попрежнему и еще с большей силой политику нерасторжимого союза рабочего класса и крестьянства.

Вторая задача РКП заключается в том, чтобы еще больше укрепить связь партии с беспартийной массой рабочих. Смерть Ленина задела за живое не только рабочего-коммуниста, но и рабочего-беспартийного. Если мы хотим исполнить заветы Владимира Ильича, мы должны работать так, чтобы через короткое время миллионы и миллионы беспартийных рабочих нашего Союза Республик поняли: Ленин умер, но созданная им партия не промотает ленинского наследства, а сумеет с еще большей силой устанавливать связь передовиков-коммунистов со всей остальной беспартийной рабочей массой, она сумеет ленинским плугом подымать новые, все более глубокие пласты; она сумеет поднимать с низов беспартийных рабочих; она сумеет поддержать каждого рабочего, в котором есть хоть искорка дарования; она сумеет помочь многомиллионной рабочей массе учиться и учиться, поднимать свой культурный уровень, приобщаться к делу социалистического строительства.

Третья задача, стоящая перед ленинцами, заключается в том, чтобы во что бы то ни стало уберечь единство созданной Владимиром Ильи-

чем партии. Самое великое, что создал гений тов. Ленина, это—взрощенная и взлелеянная им Российская Коммунистическая Партия. Все лучшее, что было у Владимира Ильича, он отдал нашей партии. Кровью своего сердца спаял он ее. Партию нашу Владимир Ильич всегда мыслил, как монолитное целое, как вылитую из одного куска организацию, которая умеет собрать воедино все, что есть сильного во всем рабочем классе. В этом смысле наследство, оставляемое Владимиром Ильичем Лениным, несравненно более драгоценное наследство, чем даже то, которое оставил марксистам Маркс, когда он умирал в 1883 г. Российская Коммунистическая Партия была и должна остаться авангардом рабочего класса, его главой, его коллективным вождем. Выполнить эту задачу наша партия может, разумеется, лишь в том случае, если она останется единной. Еще во много раз острее, чем до сих пор, вся партия, как один человек, будет реагировать на всякую попытку разбить ряды партии.

Четвертой нашей задачей является—остаться партией воинствующего большевизма. Через пестрядь нэпа, через трудности переходного периода, маневрируя в окружении буржуазных врагов, отступая, когда это нужно, для того, чтобы завтра лучше наступать, остаться партией воинствущего большевизма, какой нашу партию создал тов. Ленин. И для этого—видеть все опасности, связанные с эпохой нэпа, не закрывать глаза на существующие опасности перерождения, беспощадно бороться с извращениями ленинизма и с рецидивами мелкобуржуазных взглядов, откуда бы они ни шли.

Вспоминаются первые дни Смольного после великого Октябрьского переворота. Сотни и тысячи солдат из окопов, крестьяне, одетые в солдатские шинели, загорелые и обросшие, лавиной стремились

в Смольный, чтобы посмотреть на Ленина, перемолвиться с ним несколькими словами, спросить его о том, что будет с Россией, что будет со всеми нами дальше. Тысячи и тысячи таких крестьян-солдат пытливо заглядывали в глаза Владимиру Ильичу, в котором все они чутьем действительных представителей народа угадывали нового вождя России. Иные из этих солдат буквально изучали тов. Ленина. Каков ты есть? Сумеешь ли ты повести нас к победе, к новой жизни? Теперь, когда этот колосс скошен безжалостной смертью, русский рабочий и крестьянин обратит столь же пытливые взгляды ко всей нашей партии, созданной тов. Лениным. Рабочий и крестьянин спросит нашу партию: «а поведешь ли ты нас к победе теперь, когда Ленина не стало?».

Давайте же работать так, чтобы мы имели право ответить и рабочему классу и крестьянству: поведем! Партия, которую выпестовал тов. Ленин, сумеет оказаться на высоте требований, предъявляемых нам великой исторической эпохой.

Перед ленинцами русскими, перед ленинцами в Коммунистическом Интернационале и во всем мире стоят неизмеримой важности грандиозные задачи. Важнейшее наследие, оставляемое нам усопшим учителем, это: 1) Союз Советских Социалистических Республик и 2) Коммунистический Интернационал вместе со своим авангардом — РКП.

В сознании неизмеримой важности стоящих перед нами задач, которые отныне мы вынуждены будем решать собственным коллективным опытом, без гениального совета Владимира Ильича, мы во что бы то ни стало должны сплотиться в еще более тесную семью. Смерть тов. Ленина не может не послужить сигналом для братского сплочения всех тех, кто действительно являются ленинцами. Будем стараться ра-

ботать так, чтобы всем вместе хотя бы в малой степени, заменить Владимира Ильича. Давайте вносить в то великое дело, которое завещал нам Владимир Ильич, его преданность, его осторожность, его спокойствие, энергию и мужество, его любовь к делу и хоть немного его дальновидности.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Цена 15 к.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Ленинград — Москва

Серия „ЛЕНИНСКАЯ БИБЛИОТЕКА"

Александри, Л. Как увековеч. память о нашем велик. вожде. Стр. 49. Ц. 16 к.

Аросев, А. По следам Ленина. 2-е изд. Стр. 42. Ц. 12 к.

Баммель, Г. Ленин и революционная теория. Стр. 32. Ц. 10 к.

Бухарин, Н. Революционный теоретик. 2-е изд. Стр. 12. Ц. 5 к.

Ваганян. В. И. Ленин и искусство вооруженн. восстания в свете первой русск. революции. 2-е изд. Стр. 64. Ц. 16 к.

Война, Ленин и ленинизм. Неизданные статьи В. И. Ленина. Статьи Я. Ганецкого, Г. Зиновьева, Клары Цеткин и М. Фрунзе. Стр. 93. Ц. 22 к.

Горький, М. Вл. Ленин. Стр. 23. Ц. 12 к.

Емельянов, Н. Таинственный шалаш. 2-е изд. Стр. 13. Ц. 5 к.

Еремеев, К. 1) Ленин и рабочий класс. 2) Встречи с Ильичом. 2-е изд. Стр. 30. Ц. 10 к.

Зиновьев, Г. В. И. Ленин. Очерк жизни и деятельности. 2-е изд. Стр. 63. Ц. 15 к.

Зиновьев, Г. Историческое значение Ленина. (Речь, произнесенная в Ленинграде при закладке памятника В. И. Ленину 16 апреля 1924 г.) Стр. 15. Ц. 6 к.

Зиновьев, Г. Ленин—гений, учитель, вождь и человек. (Речь на заседании Ленинградского Совета 7 февраля 1924 г.) 2-е изд. Стр. 61. Ц. 15 к.

Зорин, С. Что может означать—Ленин. 2-е изд. Стр. 16. Ц. 5 к.

Каменев, Л. Ленин. 2-е изд. Стр. 19. Ц. 8 к.

Канатчиков, С. На боевом посту союза рабочих и крестьян. 3-е изд. Стр. 13. Ц. 5 к.

Карпинский, В. Пролетарский вождь крестьянства. 2-е изд. Стр. 12. Ц. 5 к.

Князев, В. Капля крови Ильича. 2-е изд. Стр. 34. Ц. 10 к.

Кольцов, М. Последний рейс. 2-е изд. Стр. 8. Ц. 5 к.

Крейбих, Карл. Воспоминания о Ленине. Стр. 18. Ц. 10 к.

Крупская, Н. 1) О Владимире Ильиче. 2) Из эмиграции в Питер. 2-е изд. Стр. 24. Ц. 10 к.

Ленин и экономическое строительство. Сборник статей. 2-е изд. Стр. 62. Ц. 10 к.

Лепешинский, П. По соседству с Владимиром Ильичом. 2-е изд. Стр. 24. Ц. 8 к.

Лилина, З. Ленин, как человек. 2-е изд. Стр. 15. Ц. 6 к.

Лилина, З. Наш учитель Ленин. Книжка для детей. С 4 рис. 2-е изд. Стр. 24.

Луначарский, А. Ленин. (Речь, произнесенная в день похорон на общем собрании работников искусств г. Москвы.) 2-е изд. Стр. 32. Ц. 10 к.

Лундберг, Е. Ленин и легенда. Стр. 39. Ц. 16 к.

Луппол, И. Ленин в борьбе за диалектический материализм. Стр. 56. Ц. 16 к.

Луппол, И. Ленин, как теоретик пролетарского государства. Стр. 47. Ц. 16 к.

Майский, И. Самое великое в Ленине. Стр. 16. Ц. 5 к.

Милютин, В. О Ленине. Стр. 12. Ц. 6 к.

Мысли Ленина об экономической политике. 3-е изд. Стр. 64. Ц. 15 к.

Невский, В. И. Ленин как материалист в своих первых работах. Стр. 47. Ц. 10 к.

Николаева, Кл. Ленин и раскрепощение трудящ. женщины. Стр. 10. Ц. 6 к.

О памятнике Ленину. Сборник статей Л. Красина, Э. Голлербаха, И. Фомина, Л. Ильина, Я. Тугендхольда. С 20 репродукциями. 2-е изд. Стр. 122. Ц. 65 к.

Отчего болел и умер В. И. Ленин 2-е изд. Стр. 32. Ц. 8 к.

Покровский, М. Ленин и высшая школа. Стр. 10. Ц. 5 к.

Полянский, Вал. (П. И. Лебедев). Ленин и литература. Стр. 18. Ц. 10 к.

Преображенский, Е. О нем. 2-е изд. Стр. 14. Ц. 5 к.

Радек, К. Жизнь и дело Ленина. 2-е изд. Стр. 55. Ц. 15 к.

Радек, К. Революционный вождь. 2-е изд. Стр. 15. Ц. 5 к.

Сейфуллина, Л. Мужицкий сказ о Ленине. 2-е изд. Стр. 15 Ц. 5 к.

Сосновский, Л. Ильич-Ленин. С портрет. Ленина. Стр. 15. Ц. 5 к.

Сталин, И. Организатор и вождь РКП. Стр. 16. Ц. 5 к.

Тимирязев, А. Ленин и современное естествознание. 2-е изд. Стр. 20. Ц. 8 к.

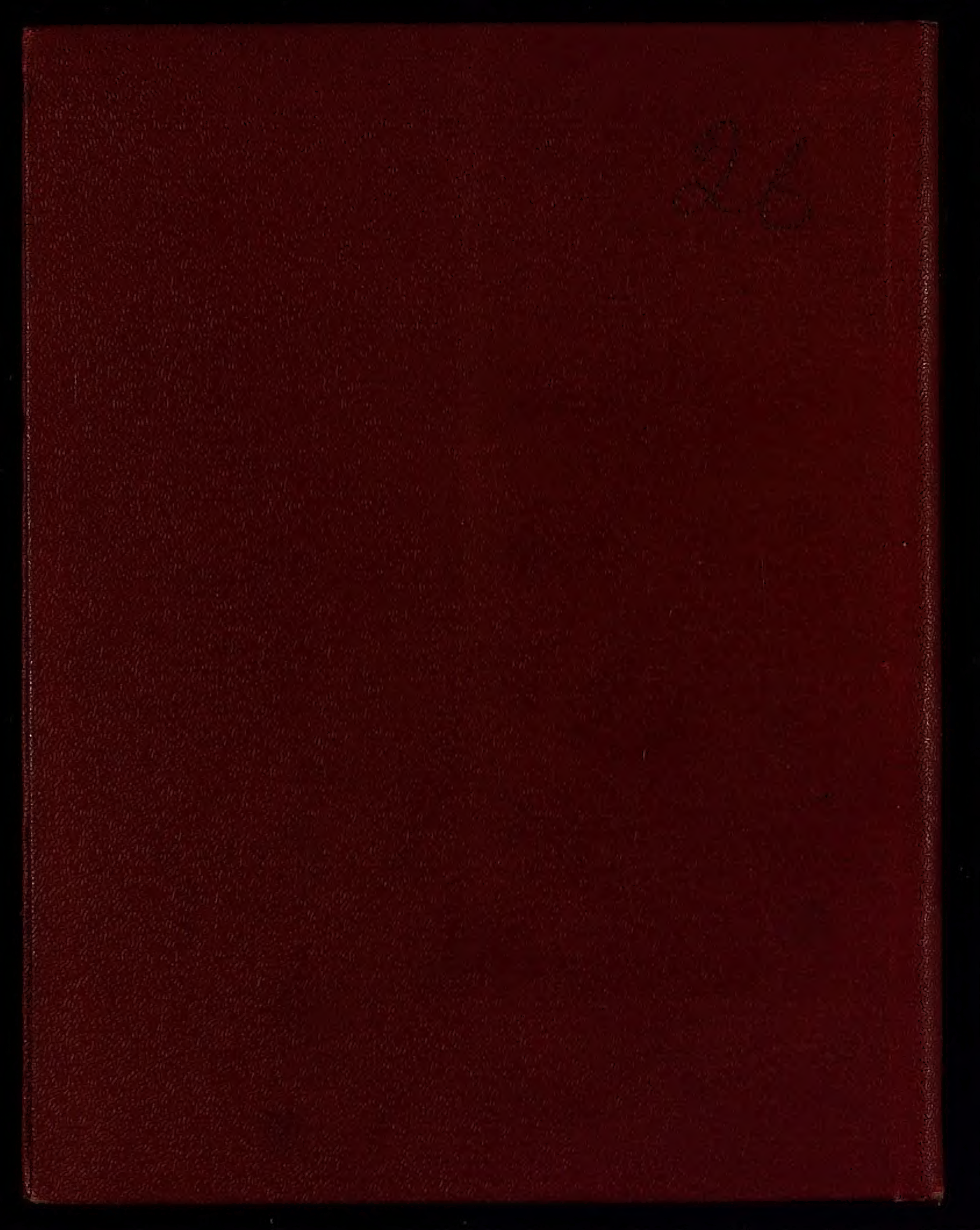
Тихонов, Ник. Сами. 2-е изд. С рис. Стр. 9. Ц. 6 к.

Троцкий, Л. Ленин, как национальный тип. 2-е изд. Стр. 8. Ц. 6 к.

Ярославский, Ем. Вождь рабочих и крестьян. 2-е изд. Стр. 119. Ц. 30 к.

Ярославский, Ем. Ленин—теоретик и практик вооруж. восстания. 2-е изд. Стр. 16. Ц. 5 к.

75k

26